

уроках русского языка. Но всё это пока носит частный, правильное сказать, точечный характер.

Очевидным образом назрела необходимость в создании полноценного учебного пособия по лингвистическому краеведению, в котором будет обобщён и дидактически адаптирован весь накопленный в процессе регионально ориентированных научных исследований материал.

Язык не живёт вне человека – его «пользователя, носителя и творца»¹. В современном быстро меняющемся мире тенденция к глобализации стремительно вытесняет индивидуальные черты, касается ли это страны в целом или отдельного человека в частности. Сегодня, как никогда, важен каждый фактор, позволяющий сохранить национальную самоидентичность, любое знание, соединяющее нас с прошлым и настоящим своей страны, области, города. И именно язык, живо откликаясь на потребности настоящего, бережно хранит наш особый «генетический» код.

Т. В. Габлина

**ГРАММАТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ
МНОЖЕСТВЕННОГО ЧИСЛА И ФОРМЫ
ЕГО ВЫРАЖЕНИЯ В ГОВОРАХ
ВЕРХНЕДНЕПРОВСКОЙ ГРУППЫ
(на материале говора Нелидовского района)**

The work describes the paradigm of the plural form of nouns in Nelidovo district subdialect pertaining to Upper-Dnepr group of south-Russian dialect according to modern classification. The investigation generalizes the materials of the expeditionary work, the data of descriptive dialectology and historical factors enabling to interpret the morphological system of this language unity.

Key words: paradigm of the plural of nouns, variant forms, syncretism of forms, frequency of occurrence of dialect inflections, archimorpheme.

В пределах Верхнеднепровской группы говоров достаточно большая территория принадлежит диалекту Нелидовского района Тверской области. Занимая северную часть ареала, он граничит с Западными диалектами Южнорусского наречия, а также Псковской и Селигеро-Торжковской группами среднерусских говоров. Такое соседство, безус-

---

¹ Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. С. 15.

ловно, оказывает мощное влияние на состояние диалектной системы региона.

Применительно к диалектной речи приобретает свою специфику вопрос об устойчивом сохранении архаических черт в именной парадигматике. Хорошим материалом для рассмотрения данной проблемы может служить парадигма субстантивного словоизменения множественного числа.

Диалектная составляющая в области морфологии во многом отражает процессы, характерные всем говорам русского языка. В этом плане можно говорить об элементах системы, которые стабильно подвержены влиянию литературного языка. Например, частота колебаний форм на *-у/-а* в родительном падеже единственного числа существительных мужского рода значительно снизилась за последние 10 лет в данном языковом регионе.

Диалектная специфика словоизменения существительных в нелидовском диалекте проявляется в своеобразии некоторых категорий и системе падежных окончаний. Это обуславливает несколько иное по сравнению с литературным языком распределение слов по типам склонения.

На фоне стабильного триединства родовых классов объём родовых групп имеет отличия, связанные с частотой функционирования в говоре слов среднего рода. Морфологически маркированной является форма женского рода, что обеспечивает широкое наполнение первого субстантивного склонения. Нет необходимости анализировать все факторы, которые обусловили переход слов среднего рода в женский. В системном плане они состоят прежде всего в произношении безударного *-о* как *-а* или *-ь*. Абсолютно привычны в изучаемом диалекте такие словоупотребления, как *тёплая одеяла, сходи за мылой, вытрись полотенцей, морозная утра, больная стада, мокрая сена, угрожал дулой пистолетной, рваная платья* и др.

Значительно реже отмечается переход слов среднего рода в мужской, что, видимо, связано с функциональной нагрузкой имён мужского рода в изучаемом диалекте.

В целом категория рода обуславливает стабильность трёх типов склонения в единственном числе, во множественном, как известно, наблюдается нейтрализация родовых различий. Унификация падежно-числовых показателей в формах множественного числа отражает, с одной стороны, стремление к единообразию, что приводит к более последовательному выражению грамматического значения, с другой стороны, стремление к дифференциации, приводящее к большему числу морфем

в одном классе слов, следовательно, к появлению грамматической вариантности и синонимии.

Наиболее последовательно унификационные процессы во множественном числе затрагивают систему не прямых падежей: дательный, творительный и предложный, где независимо от рода и типа склонения устойчиво сохраняется а-экспансия. Окончания *-ам* (*водам, сёстрам, волам, полям*), *-ами* (*водами, сёстрами, волами, полями*), *-ах* (*о водах, о сёстрах, о волах, о полях*) стабильно используются в качестве основных показателей грамматического значения.

Наряду с данными морфемами в изучаемом говоре отмечается синкретизм дательного и творительного падежей, где диалектно-маркированной установкой являются формы на *-ам*: *со свечам, с моим рукам, не трясси волосам, думайте головам, не стучи дверям, пашут тракторам, горжусь родителям, с ведрам не уходи, с гвоздям не держит, с колхозникам, с садам, граблям подсобили*. Взаимодействие дательного и творительного падежей – характерная особенность диалектов Тверского края, расположенных на территории Верхнеднепровской группы говоров.

Общеизвестно, что формы дательного, равные творительному, – это яркая черта севернорусского наречия, входящая в систему противопоставленных явлений морфологического уровня¹. Склонность к употреблению архиморфемы *-ам* в дательном и творительном падежах отражает взаимодействие тверских говоров Верхнеднепровской группы с диалектами среднерусскими. Кроме того, распространение форм на *-ам* типа *с рукам, с ногам* поддерживается тенденцией к выравниванию финали с исходом на согласный звук. Ср.: *воз – возов – возам – возах*.

В целом записи диалектной речи и опросы информантов выявляют, что унифицированная флексия *-ам* употребляется диалектоносителями старшей возрастной группы, в речи школьников и людей среднего возраста формы на *-ам* единичны.

В предложном падеже множественного числа отличия от литературной нормы не фиксируются. Предложный падеж в данном диалекте оказался связанным с нормализованной установкой общерусского характера: *в глазах, в сёлах, о платьях, в лесах, в книгах, в дверях, в межах*.

Как показывают данные экспедиционных исследований, в нелидовском диалекте процесс унификации в дательном, творительном и предложном падежах получил своё выражение под влиянием среднерусских говоров, где логическим завершением оформления парадигмы

¹ Русская диалектология / Под ред. В. В. Колесова. М.: Высшая школа, 1990. С. 104.

множественного числа стало закрепление универсального показателя *-ам* в дательном и творительном падежах. Однако социальная и возрастная неоднородность представителей современного сельского поселения и способность к восприимчивости литературной формы речи приводят к постепенному вытеснению диалектных вариантов в области грамматики.

Поддерживают диалектное морфологическое поле формы именительного и винительного падежей. В отличие от литературного языка в изучаемом диалекте функциональная нагрузка окончаний *-а/-я*, *-и/-ы* имеет свою специфику. В парадигме множественного числа именительный и винительный падежи заслуживают особого внимания как формы, связанные с отражением категории одушевлённости – неодушевлённости и со спецификой выражения значения множественности. При этом родовая отнесённость имеет немаловажное значение, при общем характере нейтрализации рода во множественном числе.

Широкое применение в нелидовском говоре находит морфема *-а/-я*, которая монополизирует разные классы имён:

1. Стабильно используется данная морфема в категории слов мужского рода: *хода, фунта, плуга, воза, сада, сока, медведя, волоса, окуня, ветра, путя, грома, сахара, воза*.

2. Охватывает имена женского рода, относящиеся к системе третьего типа склонения: *волостя, площадь, дочеря, областя, матеря, деревня, ведомостя*.

3. Употребляется в группе слов мужского рода, обозначающих лиц мужского пола, например: *бояра, дворяна, горожана, славяна*.

4. Шире, чем в литературном языке, имеет место наращение *-j* при именах мужского рода: *кучья, пенья, уголья, крючья*.

Функциональная нагрузка окончания *-и/-ы* также имеет свои отличия. Те классы слов, которые в литературном языке имеют флексию *-а*, в изучаемом говоре употребляются с морфемой *-и/-ы*. Старое окончание последовательно представлено у слов мужского рода и среднего рода: *береги, плуги, луги, леса, поясы, голоса, учителя, грады, копыты, яйцы, озёры, пятны, сёлы, колёсы, болоты*. Незаконченность процесса взаимодействия окончаний именительного и винительного падежей на *-а/-я*, *-и/-ы* приводит к тому, что употребление этих морфем может колебаться в речи одного человека. Однако категория одушевлённости/неодушевлённости последовательно отражена в речи носителей нелидовского диалекта: одушевлённые имена стабильно представлены формами родительного, равного винительному. Система флексийных морфем в родительном падеже характеризуется ярко выраженной синонимией. Бросающаяся в глаза особенность – гораздо большая свобода в

способах формального выражения грамматического значения родительного падежа. При соответствующих трёх морфемах в данном падеже в литературном языке в изучаемом диалекте употребляется четыре.

Окончание нулевое повсеместно распространено у слов первого и второго склонений, однако в категории имён мужского рода оно по сравнению с литературным языком представлено реже. В нелидовском диалекте обычны формы типа: *много дён, сколько зуб выпало, нет орех совсем*.

Самое широкое распространение у флексии *-ов/-ев*, которая оформляет словоформы всех трёх родов: *сапогов, солдатов, ножигов, помидоров, глазов, товарищев, гостёв* (м. р.), *письмов, делов, озёров, средствов, растеньеv* (ср. р.), *свадьбов, чашигов, тарелков, рукавичков, машинов, тапков, ошибков* (ж. р.).

Как безударный вариант флексии *-ов* в говоре представлено окончание *-ав (-аф)*: *серёжкав, письмаv, ручкаv, шапкаv, палкаv* и др. Однако разграничить фонетически морфемы *-ов/-ав* очень сложно, поскольку обе флексии встречаются в безударной позиции.

Наконец, конкурирующую способность в способах выражения грамматического значения получило окончание *-ей*, которое отмечается чаще у слов с финалом на мягкий или некогда мягкий согласный: *отцей, пальцей, грязей, песцей, вербей* и др.

Таким образом, изучение морфологического поля Верхнеднепровского диалекта привело к следующим результатам:

1. Морфологические процессы, протекающие в нелидовском говоре, занимающем обширную языковую территорию Верхнеднепровских диалектов, отражают явления, которые характерны всем говорам русского языка.

2. Постоянно действующая в языке тенденция к преодолению синонимии падежно-числовых показателей в изучаемом говоре получила своё разрешение: во множественном числе процесс унификации затронул глубже систему падежей. В результате в дательном и творительном падежах установилась единая морфема *-ам*, которая до сих пор маркирует речь жителей региона.

3. Несмотря на стремление к единообразию, конкурирующая способность морфем в оформлении грамматического значения множественного числа шире, чем в литературном языке.

4. Стабильность форм поддерживается, с одной стороны, условиями исторической непрерывности диалектной формы языка, с другой, территориальным соседством с теми ареалами, где говор является средством повседневного общения людей.